

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177

EDN: CCLHLL

УДК 811.512.37'373

Научная статья / Research article

Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах

Е.Е. Иванов

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова, Могилев, Республика
Беларусь

 ivanov_ee@msu.by

Аннотация. Рассматривается семантика пословиц с точки зрения ее отношения к окружающему миру как объекту познания, оценки, верификации и вербализации. Цель исследования — описать основные семантические типы паремиологических единиц (пословиц) по критерию «отношение к действительности» в эмпирическом, аксиологическом, онтологическом и логическом аспектах. Исследование проведено на материале калмыцких пословиц из сборника В.Л. Котвича (1905). Использована авторская методика категоризации семантики афористических единиц и их дифференциации на семантические типы по критерию «отношение к действительности». В результате исследования выявлено, что в пословицах представлены все основные аспекты афористической категоризации действительности, в соответствии с которыми пословичная семантика дифференцируется на шесть категорий: номологическая, сентенциональная (в эмпирическом аспекте), трюистическая, грегериическая (в аксиологическом аспекте), парадоксальная (в логическом аспекте), абсурдная (в онтологическом аспекте). Установлено, что категоризация отношения к действительности в пословицах характеризуется разной количественной представленностью и содержательной неоднородностью. В наибольшей степени в пословицах представлено отношение к действительности как к объекту оценки, в наименьшей степени — как к предмету верификации. Пословицы различных семантических категорий имеют специфический набор прототипов, понятий и образов. Категоризация отношения к действительности в пословицах имеет универсальный характер, однако отличается избирательностью в плане ее распределения по семантическим типам и понятийно-образной реализации, что репрезентирует этнолингвокультурное своеобразие категоризации и концептуализации пословичной картины мира каждого народа.

Ключевые слова: паремиология, пословица, пословичная семантика, категоризация, отношение к действительности, семантический тип, концепт, образ, пословичная картина мира

© Иванов Е.Е., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Благодарности:

Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН (Российская Федерация). Исследование частично выполнено в рамках Государственной программы научных исследований 2021–2025 гг., проект № 20211335 (Республика Беларусь).

История статьи:

Дата поступления: 30.08.2023

Дата приема в печать: 15.09.2023

Для цитирования:

Иванов Е.Е. Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1154–1177. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Categorization of Attitude to Reality in Paremiological Units

Eugene E. Ivanov

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

 ivanov_ee@msu.by

Abstract. The study deals with the proverbial semantics from the point of view of its attitude to the surrounding world as an object of cognition, evaluation, verification and verbalization. The aim of the study is to describe the main semantic types of paremiological units (proverbs) according to the criterion of “relation to reality” in empirical, axiological, ontological and logical aspects. The research was done on the material of proverbs in the Kalmyk language from the collection of V.L. Kotvich (1905). The author’s methodology of categorizing the semantics of the aphoristic units, and their differentiation into semantic types according to the criterion of “relation to reality” was used. It has been revealed, that in the proverbs all major aspects of aphoristic categorization of the reality are represented, according to which the proverbial semantics is differentiated into six categories: “nomological” and “centential” (In the empirical aspect), “truistic” and “gregarious” (In the axiological aspect), and also paradoxical (In the logical aspect) and absurd (In the ontological aspect). It has been established that the categorization of the attitude to reality in proverbs is characterized by different quantitative representation and content heterogeneity. The attitude to reality as an object of cognition and evaluation is represented to the greatest extent in proverbs, and to the least extent — as an object of verification. Proverbs of different semantic categories have a specific set of prototypes, concepts and images. The categorisation of the attitude to reality in proverbs is universal, but it is distinguished by selectivity in terms of its distribution in the semantic types and conceptual imagery, which represents the ethnolinguistic and cultural specificity of the categorisation and conceptualisation of the proverb picture of the world.

Keywords: paremiology, proverb, proverb semantics, categorisation, attitude to reality, semantic type, concept, image, proverb world picture

Financing. Acknowledgements:

This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project no. D.2-F/S2022 (Russian Federation). The study was partially funded by the State Program of Scientific Research 2021–2025, project no. 20211335 (Republic of Belarus).

Article history:

Received: 30.08.2023

Accepted: 15.09.2023

For citation:

Ivanov, E.E. (2023). Categorization of Attitude to Reality in Paremiological Units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1154–1177. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Введение. Постановка проблемы

Новейшие паремиологические исследования на материале разных языков убедительно показывают, что от глубины описания когнитивной природы пословичной семантики в аспекте ее отношения к действительности непосредственно зависит интерпретация как национально-культурной специфики, так и типологической общности плана содержания паремий [1–19]. Именно поэтому современное лингвистическое понимание такого рода паремиологических единиц, как пословицы [20; 21] во многом определяет их когнитивные исследования [22–26], которые начинают развиваться в отдельное направление внутри паремиологии как лингвистической дисциплины [27].

Как известно, категоризация семантики пословиц традиционно описывается в рамках предметно-тематического подхода, издавна широко применяемого в паремиографии самых разных языков мира. Свое наиболее системное теоретическое обоснование предметно-тематический подход получил совсем недавно в терминах аксиологической лингвистики при выявлении и описании ценностных доминант в провербиальной картине мира на основании названий предметных/тематических рубрик в сборниках и словарях пословиц [28–31].

В настоящее время в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии сформировался понятийно-концептуальный подход к категоризации семантики пословиц, который используется для описания ключевых концептов пословичной картины мира [32], когнитивно-прагматического аспекта плана содержания пословиц [33], их когнитивно-дискурсивных смыслов [34].

Однако и предметный, и понятийный критерии традиционно используются для семантической категоризации лексических и фразеологических единиц как номинативных по своей природе. Семантика же пословиц как единиц синтаксического уровня языковой системы принципиально отличается от лексической и фразеологической семантики, поэтому и должна описываться на принципиально иных основаниях. В этом смысле для категоризации пословичной семантики может быть использован опыт семантического описания афористических единиц, одной из основных разновидностей которых являются паремии — прежде всего пословицы [35. С. 914–916].

Актуальность исследования заключается в том, что изучение особенностей категоризации действительности в семантике пословиц позволит,

во-первых, выявить характер их отношения к окружающему миру как объекту познания, оценки, верификации и вербализации, во-вторых, дифференцировать пословицы на семантические типы в зависимости от эмпирической, аксиологической, онтологической или логической природы представления в них действительности, и в-третьих, определить национально-культурные особенности каждого семантического типа пословиц.

Цель исследования — установить и описать основные семантические типы паремнологических единиц (пословиц) по критерию «отношение к действительности» в эмпирическом, аксиологическом, онтологическом и логическом аспектах в проекции на этнокультурное своеобразие категоризации и концептуализации действительности в рамках пословичной картины мира.

Методология исследования

В качестве методологической основы исследования использовано современное понимание языковой семантики пословиц [5; 20], теории пословичной картины мира [32], теории когнитивной семантики пословиц [33; 34], основные положения теории пословицы как афористической единицы языка [35–38], а также методы и приемы определения национально-культурно обусловленных компонентов пословичной семантики [39; 40].

Для выявления и описания категоризация отношения к действительности в пословицах использована разработанная автором данной статьи методика категоризации семантики афористических единиц и их дифференциации на семантические типы по критерию «отношение к действительности» (на материале славянских и германских языков) [41. С. 63–65].

Так, установлено, что в афористических единицах выражаются типичные ситуации, основанные на «закономерности связей между неединичными объектами в границах реального мира или одного из вымышленных миров» [41. С. 63], при этом закономерности различаются «по сфере своего действия, по условиям и формам своего проявления, по степени необходимости своего существования, по своему соответствию реальному порядку вещей в мире» [41. С. 64].

На основании этого афористические единицы, в том числе и пословицы, дифференцируются на семантические типы, предназначенные для выражения определенного рода типичных ситуаций (и их ментальных аналогов — закономерностей действительности) на основании ряда гетерогенных критериев, имеющих универсальный характер, что подтверждается, как показали ранее проведенные исследования, на материале генетически и типологически далеких языков [41].

Симптоматично, что «большинство выделенных семантических типов афористических единиц имеют нечётко очерченные границы, однако строгую организацию членства (для всех элементов данной категории

характерен типичный набор признаков, что позволяет объединять данные элементы в одну категорию). Такой подход представляется полностью применимым и к семантической категоризации единиц пословичного фонда» [42. С. 319]. Авторская методика категоризации семантики афористических единиц апробирована на материале тувинских пословиц, которые были дифференцированы по отношению к действительности на основании наиболее значимых аспектов категоризации провербиальной семантики: эмпирического и аксиологического [42], онтологического и логического [43].

Материалы исследования

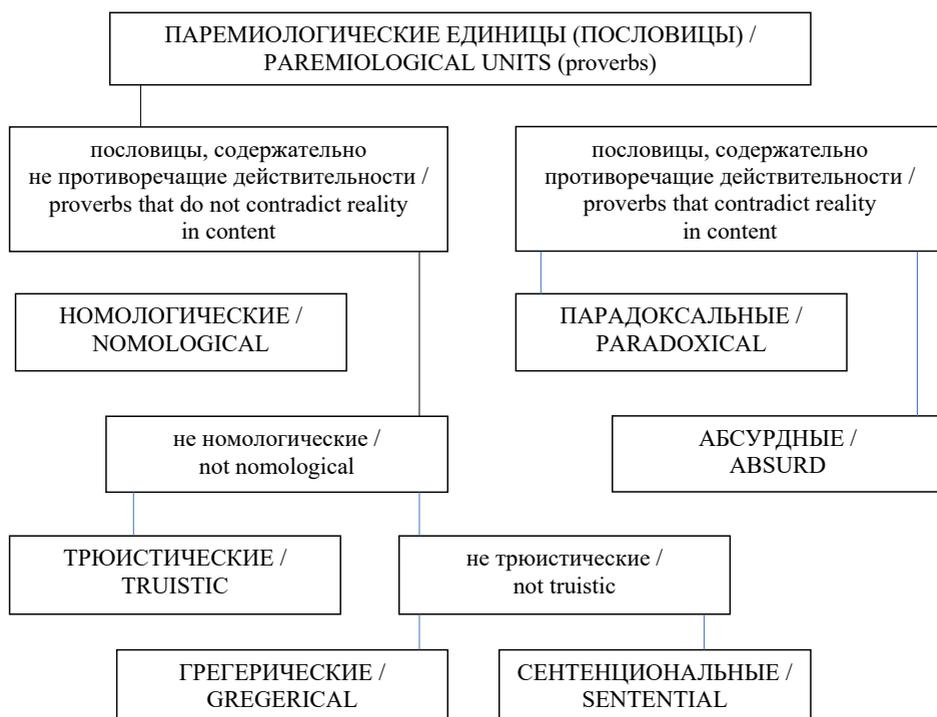
Материалом для исследования послужили 312 пословиц калмыцкого языка из сборника В.Л. Котвича [44], которые приводятся здесь в форме буквальной передачи их содержания, сделанного составителем (с указанием их порядкового номера в авторском издании). Выбор для анализа именно калмыцких пословиц является случайным, что обеспечивает достаточно высокую степень верификации результатов исследования (поскольку предполагается, что предложенная когнитивно-семантическая категоризация паремиологических единиц является релевантной для любого языка, который мог бы быть на месте калмыцкого). В свою очередь, выбор именно сборника В.Л. Котвича в качестве основного паремиографического источника обусловлен тем, что в нем представлен аутентичный материал, достаточно цельно отражающий этническую картину мира и ментальность калмыцкого народа до периода его массовой русификации во времена СССР (предварительный анализ пословиц из данного сборника показал минимальное количество русскоязычных заимствований и влияний).

Кроме этого были использованы зафиксированные в существующих когнитивных исследованиях пословичного фонда калмыцкого языка [45–47] элементы и модели концептуально-семантической организации избранных для анализа пословиц.

Результаты исследования

В результате исследования все избранные для анализа пословицы дифференцированы по отношению их содержания к окружающему миру как объекту познания, оценки, верификации и вербализации на две семантически противопоставленные группы (пословицы противоречащие и не противоречащие действительности), внутри которых было выделено шесть семантических типов, которые соответствуют четырем избранным аспектам категоризации провербиальной семантики.

Не противоречащие действительности паремиологические единицы (пословицы) — это номологические и сентенциальные (в эмпирическом аспекте), трюистические и грегерические (в аксиологическом аспекте), а противоречащие действительности — это парадоксальные (в логическом аспекте) и абсурдные (в онтологическом аспекте).

Паремиологические единицы (пословицы)

Источник: составлено автором статьи в программе Word.

Paremiological units (proverbs)

Source: compiled by the author of the article in Word.

Каждый семантический тип пословиц, выделяемый по их отношению к действительности, имеет качественные и количественные особенности, обусловленные лингвокультурной и этнокультурной спецификой как семантического пространства пословичного фонда языка, так и пословичной картины мира, отражающей национальный менталитет, мировосприятие, культуру, историческое прошлое, традиционный уклад жизни и ценностные доминанты данного народа.

Обсуждение

Семантическая типология пословиц достаточно строго упорядочена в соответствии с организацией их отношения к действительности в языковом сознании и предполагает последовательную корреляцию отдельных

семантических типов на основе совокупностей соответствующих значимых признаков проявления типичных ситуаций (и их когнитивных коррелятов — закономерностей действительности), выражаемых в единицах пословичного фонда языка.

Номологические пословицы

В пословицах с номологической¹ семантикой выражаются такие не противоречащие действительности типичные ситуации, которые характеризуются одновременно тремя значимыми признаками своего проявления: существенностью, необходимостью и регулярностью (каждый из которых эмпирически детерминирован). Нейтрализация хотя бы одного из этих признаков приводит к утрате номологической значимости (силы закона, который неизменно выполняется в реальном мире безотносительно воли и желания человека).

В этом смысле все пословицы дифференцируются по отношению их семантики к действительности на номологические и неномологические. Формальным признаком их отличия друг от друга является то, что номологические пословицы нельзя перефразировать в семантически контрарную синтаксическую конструкцию (resp. из утвердительной в отрицательную или из отрицательной в утвердительную) без утраты их общего значения (resp. без противоречия реальной действительности), напр.: ‘Хорошая медь не ржавеет’ [44. № 86] — ср. ‘Хорошая медь ржавеет’ (?!); ‘После смерти не бывает радости’ [44. № 155] — ср. ‘После смерти бывает радость’ (?!); ‘На телеге нельзя догнать зайца’ [44. № 288] — ср. ‘На телеге можно догнать зайца’ (?!) и т.п. Ненормологические по семантике пословицы, в свою очередь, легко поддаются контрарному перефразированию, сохраняя не противоречащее реальной действительности содержание (хотя моделируемая в результате такого перефразирования новая типичная ситуация может в некоторых случаях противоречить воле и желанию человека или его мировосприятию). Напр.: ‘Думающий о будущем — умен, чинящий дырявое ведро — мастер’ [44. № 23] — ср. ‘Думающий о будущем — не умен, чинящий дырявое ведро — не мастер’ (!); ‘Если дитя не плачет, мать не дает груди’ [44. № 74] — ср. ‘Если дитя плачет, мать не дает груди’ (!); ‘Когда сыт, не вспомнишь о жилах, которые ел во время голода’ [44. № 141] — ср. ‘Когда сыт, вспомнишь о жилах, которые ел во время голода’ (!) и т.п.

Номологические пословицы образуют основу традиционной протонаучной картины мира, в их семантике представлены наиболее значимые фрагменты окружающей действительности как объекта познания и верификации в рамках эмпирического опыта, не выходящего за пределы перцепции.

¹ Номологический (от греч. *nomos* ‘закон’) — имеющий отношение к общим законам природы и общества.

В номологических пословицах выражены значимые в познавательном плане представления и знания о природе, человеке и социальной действительности, входящие в этническую картину мира народа и полученные им в результате многовековых наблюдений и многочисленных проверок на собственном опыте, напр.: ‘Минувшей бури нельзя догнать буркою’ [44. № 178]; ‘Прошедшего дождя не заманить армяком’ [44. № 179]; ‘Собственный запах неизвестен человеку’ [44. № 3]; ‘Вор не любит лунного света, дурной человек не любит хорошего’ [44. № 9]; ‘Верхом на теленке не доедешь до кочевья; читая сказки, не сделаешься ученым’ [44. № 19]; ‘Собака не жиреет, лижа свою кровь’ [44. № 184]; ‘Хорошие качества лошади узнают при езде, хорошие качества серебра узнают при плавке’ [44. № 194]; ‘Хорошие качества железа узнают при ковке, хорошие качества лошади узнают при скачке’ [44. № 195]; ‘Чем больше плавить золото, тем больший появляется блеск, медь же теряет блеск’ [44. № 196]; ‘У глупого нет здоровой мысли (памяти)’ [44. № 31] и т.д.

Номологические пословицы по отдельности достаточно редко обладают национально-культурной семантикой (которая реализуется в них в основном благодаря этнокультурно маркированным лексическим компонентам типа «бурка», «кочевье» и под.), однако в своей совокупности образуют такое множество единиц, которое репрезентирует этнокультурно детерминированную избирательность пословичной картины мира в познании и эмпирической верификации явлений, эксплицирующих существенные, необходимые и регулярные связи между неединичными объектами действительности.

Трюистические пословицы

В пословицах с трюистической семантикой выражаются такие не противоречащие действительности типичные ситуации, которые характеризуются одновременно тремя значимыми признаками своего проявления: общеизвестностью, стереотипностью и очевидностью (имеющими аксиологическую природу, поскольку обусловлены не столько самой действительностью, сколько ее оценкой носителями той или иной лингвокультуры, исходя из их опыта и мировоззрения). Нейтрализация хотя бы одного из этих признаков приводит к утрате пословицей своего трюистического содержания (отражения самоочевидных и неизменных явлений действительности, которые безусловно знакомы каждому человеку в рамках данной этнической и/или социальной группы).

В этом смысле все пословицы, которые не обладают номологической семантикой, дифференцируются по отношению их содержания к действительности на трюистические и не трюистические. Формальным признаком их отличия друг от друга является то, что трюистические пословицы всегда имеют переносный смысл. Будучи употребленными в прямом значении трюистические пословицы тут же утрачивают присущую всем пословицам как

фольклорному жанру эпистемологическую значимость (и начинают восприниматься как высказывания, лишённые коммуникативной цели, избыточные или даже бессмысленные в данной речевой ситуации), напр.: ‘Язык — без костей’ [44. № 158] — ср. ‘О языке во рту человека и костях в нём’ (?!); ‘Против вши не обнажают меча’ [44. № 227] — ср. ‘Об отказе сражаться мечом с насекомым-паразитом’ (?!); ‘У палки два конца’ [44. № 292] — ср. ‘О какой-либо конкретной палке и ее двух концах’ (?!) и под. В свою очередь, не трюистические по семантике пословицы эпистемологически значимы и коммуникативно уместны как в переносном, так и в прямом значении, напр.: ‘Мышь, которой суждено погибнуть, играет с хвостом кошки’ [44. № 152] — ср. ‘Кто рискует своей жизнью, тот рано или поздно умрет’ (в переносном смысле) и ‘Ни одна мышь не выживет, если не будет прятаться от кошки’ (в прямом смысле); ‘Нельзя воевать одинокому’ [44. № 229] — ср. ‘Одному человеку невозможно обезопасить себя от недругов’ (в переносном смысле) и ‘Один человек на войне бесполезен’ (в прямом смысле); ‘Не видя воды, не снимай сапог’ [44. № 248] — ср. ‘Не торопись делать что-либо раньше времени’ (в переносном смысле) и ‘Не разувайся (Не раздевайся), пока не дошел до воды’ (в прямом смысле) и под.

Трюистические пословицы фиксируют и хранят базовые, опорные представления о действительности, критично необходимые для восприятия и осмысления человеком самого себя и всего того, что его окружает в мире, напр.: ‘Упавший на землю встает, опираясь на землю’ [44. № 191]; ‘Спинной хребет поддерживают ребра, а ребра поддерживают хребет’ [44. № 193]; ‘В океане нет грязи’ [44. № 210]; ‘Хотя бы луна и ясно светила, но с дневным светом она не сравнится’ [44. № 242]; ‘Небо далеко, земля тверда’ [44. № 304] и т.п.

По признакам стереотипности и очевидности отражаемой действительности содержание трюистических пословиц весьма близко содержанию номологических пословиц, однако не может выступать в качестве фрагмента протонаучной картины мира (и, соответственно, как аксиоматическая основа собственно научной системы знаний). При этом в наивной картине мира содержание трюистических пословиц занимает весьма заметное место в силу самоочевидности отражаемых фрагментов действительности, выступает тем необходимым минимумом знаний о самом себе и о мире, которым обладает каждый без исключения представитель традиционной культуры, напр.: ‘Свинья не видит неба’ [44. № 202]; ‘Собаке не нужно железо’ [44. № 204]; ‘У волка, ест ли он или нет, пасть — красная’ [44. № 205]; ‘Сахар сладок по всем четырём углам’ [44. № 208]; ‘Откуда ни отведать четырехугольный кусок сахара, всюду сладок’ [44. № 209]; ‘Рука руку моет’ [44. № 212] и т.п.

Исключительная роль пословиц трюистического содержания в наивной картине мира подтверждается тем симптоматичным фактом, что в лексический состав каждой такой пословицы входят единицы (либо гипонимы таких единиц, а также их синонимы-дублиеты), образующие ядро основного лексического

фонда, т.е. базовый, «стержневой» словарь, который составляет основу лексико-семантической подсистемы любого языка, а значения слов, входящих в такой словарь, — семантическую базу лингвокогнитивной категоризации действительности в каждой этноязыковой картине мира. Так, в калмыцком языке каждая трюистическая пословица имеет в своем составе компонент из его базового семантического словаря, ср.: ‘земля’ [44. № 191]; ‘небо’ [44. № 202]; ‘луна’ [44. № 242]; ‘кость = хребет, ребро’ [44. № 193]; ‘рука’ [44. № 212]; ‘собака’ [44. № 204]; ‘зверь (дикое животное) = волк’ [44. № 205]; ‘вошь’ [44. № 227]; ‘четыре’ [44. № 208, № 209]; ‘сказать’ [44. № 167]; ‘море = океан’ [44. № 210] и др. При этом половина трюистических пословиц содержит более одного такого компонента, ср.: ‘язык’ и ‘кость’ [44. № 158]; ‘нога’ и ‘земля’ [44. № 232]; ‘вода’ и ‘пить’ [44. № 280]; ‘глотка’ и ‘мягкий’ [44. № 246]; ‘птица’ и ‘крыло’ [44. № 250]; ‘рука’ и ‘мыть’ [44. № 212]; ‘земля’ и ‘небо’ [44. № 304]; ‘палка’ и ‘два’ [44. № 292] и др.

Как можно видеть, трюистические пословицы не характеризуются этнокультурной маркированностью, однако состав их лексических компонентов из числа базового словаря в своей совокупности позволяет судить об этнокультурном своеобразии дифференциации фрагментов действительности в рамках традиционной картины мира на основе опыта и мировоззрения данного народа.

Грегериические пословицы

В пословицах с грегериической² семантикой выражаются такие не противоречащие действительности типичные ситуации, которые характеризуются одновременно тремя значимыми признаками своего проявления: частностью, локальностью, субъективностью (в смысле оппозиций «частное vs. общее», «локальное vs. глобальное», «субъективно vs. объективно значимое», выбор каждого элемента в которых всегда аксиологически детерминирован, т.е. непосредственно зависит от соответствующей оценки той или иной типичной ситуации в проекции на совокупный социальный и духовный опыт представителей данного этноса или субкультуры). Нейтрализация хотя бы одного из этих трех признаков приводит к утрате пословицей своего грегериического содержания (отражения различных сторон и аспектов повседневности, приватной жизни человека, малозначимых проявлений бытия в природе и социуме).

² Грегериический — производное от термина «грегерия» (исп. *gregueria*), придуманного в середине XX века испанским писателем Р. Гомесом де ла Серна в качестве названия жанра таких литературных изречений, содержание которых направлено на отражение мелких сторон жизни, в отличие от афоризмов, в которых рассматриваются глобальные проблемы бытия, см. *Гомес де ла Серна Р. Грегерики // Избранное. М.: Художественная литература, 1983. С. 294–341.*

В этом смысле все пословицы, которые не обладают номологической и трюистической семантикой, дифференцируются по отношению их содержания к действительности на грегерические и не грегерические. Формальным признаком их отличия друг от друга является то, что доминантными (стержневыми) компонентами всех без исключения грегерических пословиц выступает конкретная лексика, т.е. прототипы таких пословиц (свободные высказывания, которые послужили производной основой для провербиальных единиц языка) имеют фактологическую семантику, т.е. обозначают только чувственно воспринимаемые типичные ситуации, напр.: ‘Как ни много волос на голове, их можно сбрить бритвою’ [44. № 245]; ‘Человек, едущий верхом на верблюде, близок к небу’ [44. № 268]; ‘Собака начинает плавать, когда (вода) достигнет челюсти’ [44. № 270]; ‘Лампада, прежде чем потухнуть, вспыхивает’ [44. № 290]; ‘Хотя небо и высоко, но осадки (во время бури) падают быстро’ [44. № 303] и т.п. В свою очередь, не грегерические пословицы наполнены как конкретной, так и абстрактной лексикой, прототипы таких пословиц часто имеют абстрактную семантику, т.е. обозначают типичные ситуации, не подпадающие сенсорному восприятию, отвлеченные от конкретных объектов, свойств, отношений, напр.: ‘Беспутный не знает спокойствия’ [44. № 47]; ‘Бережливость полезна для самого себя (для жизни, души)’ [44. № 50]; ‘Если рассказывать о своем благодеянии, то польза теряется’ [44. № 130]; ‘Пока умный мудрствовал, глупый трижды откусил’ [44. № 310] и под.

Важно отметить, что грегерическая семантика свойственна пословицам только в их прямом значении, тогда как переносный смысл способствует вербализации глубокой и социально значимой мысли. В этом случае обращение в пословичном прототипе к той или иной частной, локальной, индивидуальной типичной ситуации действительности позволяет с помощью образного переосмысления какого-либо конкретного события из повседневной жизни максимально выразительно (за счет актуализации сенсорного восприятия мира) репрезентировать общую, глобальную и общезначимую идею, которая при своем прямом выражении будет восприниматься как абстрагированная от реальной жизни и потому оставаться малоубедительной (в рамках мировосприятия, свойственного традиционному укладу жизни), напр.: «Большой камень бьют малым камнем» [44. № 218] — в переносном смысле ‘Что-нибудь значительное может быть разрушено чем-нибудь незначительным’; ‘У попутчиков один котел’ [44. № 215] — в переносном смысле ‘Те, кто связан общими интересами, должны держаться вместе’; ‘На кале одного верблюда скользят тысячи верблюдов’ [44. № 221] — в переносном смысле ‘Поступок одного может причинить вред многим’ и т.п.

Грегерические пословицы довольно часто этнокультурно маркированы как своими прототипами, так и отдельными лексическими компонентами, в которых отражаются повседневность и реалии традиционного уклада жизни данного народа.

Сентенциональные пословицы

В пословицах с сентенциональной семантикой выражаются такие не противоречащие действительности типичные ситуации, которые характеризуются одновременно тремя значимыми признаками своего проявления: познавательность, нравоучительность, дидактичность (имеющими эмпирическую природу, поскольку каждый признак является результатом коллективного теоретического и практического опыта представителей данной этнокультуры). Нейтрализация хотя бы одного из этих признаков приводит к утрате пословицей своего сентенционального содержания (отражения наиболее важных, ценных и необходимых для жизни в обществе мнений о человеке, социуме и окружающей их среде, входящих в систему мировоззренческих, ценностных и воспитательно-педагогических доминант этнической картины мира).

В этом смысле все пословицы, которые не обладают номологической, трюистической или грегерической семантикой, дифференцируются по отношению их содержания к действительности на сентенциональные и не сентенциональные.

Наиболее очевидным формальным признаком такого их разграничения является, во-первых, преимущественно абстрактная лексика (и абстрактные значения полисемантов) в составе компонентов сентенциональных пословиц, что достаточно редко встречается у пословиц с не сентенциональной семантикой, напр.: ‘Умный скрывает достоинства внутри, глупый держит их на языке’ [44. № 17]; ‘У коварного (удача бывает) раз, у способного (искусного) два’ [44. № 25]; ‘В клевете нет правды, во лжи нет добра’ [44. № 32]; ‘В доме ленивого нет топлива, в доме обжоры нет пищи’ [44. № 42]; ‘Юноша, думающий о будущем умен; девушка, чинящая старье, умна’ [44. № 59]; ‘Когда богат, все — родственники, если обеднеешь, все — враги’ [44. № 139]; ‘Красноречивый — впереди, неискusstный в речах — позади’ [44. № 165]; ‘Сильный рычит, бессильный же визжит’ [44. № 273]; ‘Приглашение — из лицемерия, случайная встреча — по счастливой судьбе’ [44. № 293]; ‘Чем плохой (человек) со штанами, лучше хороший без штанов’ [44. № 299] и т.п.

Во-вторых, пословицы с сентенциональной семантикой употребляются в речи в основном в морализаторской функции, тогда как не сентенциональные пословицы в этой функции употребляться не могут. Именно поэтому сентенциональные пословицы часто имеют императивную модальность, которой лишены не сентенциональные пословицы, напр.: ‘Не обижай (другого), называя дурным: нельзя знать, что будет. Не лсти хорошему: нельзя знать, каков будет’ [44. № 8]; ‘Дурного не спрашивай: сам скажет’ [44. № 15]; ‘Знающему говори слово; меткому стрелку подгони сайгу’ [44. № 20]; ‘С мастером не спорь из-за удил’ [44. № 24]; ‘Не бери дочери того, у кого жена плоха; не садись в почетной части юрты у того, у кого дверь плоха’ [44. № 64]; ‘Как бы далеко ни было, иди дорогою; как бы стар ни был, бери девушку’ [44. № 65];

‘Когда растешь, испытывай мучения; когда стар становишься, испытывай благоденствие’ [44. № 66]; ‘При жизни отца познавай людей, с (хорошим) конем познавай земли’ [44. № 80]; ‘С богатырем не спорь из-за пищи, с богачем не спорь из-за счастья’ [44. № 136]; ‘Лижи из пролитого (чтобы не пропало даром)’ [44. № 145]; ‘Не говори секретных слов своей жене’ [44. № 170]; ‘Слепой корове не показывай воды’ [44. № 200]; ‘Лучшую пищу давай другому, лучшую одежду надевай на себя’ [44. № 252] и т.п.

Очень многие сентенциональные пословицы национально-культурно маркированы как содержанием своих прототипов (отражающих мировоззренческие основы и нравственные принципы традиционного социума), так отдельными своими лексическими компонентами, которые обозначают этнокультурные реалии и концепты, напр.: ‘Если дурному окажешь услугу, он не знает этого; если хорошему сделаешь зло, он не забудет этого’ [44. № 6], где «хороший» означает ‘удалой’, поэтому «хороший» у калмыков «не должен позволять обижать или оскорблять себя» [44. С. 67]; ‘Чем мужчине стыдиться, лучше пусть зандановое дерево переломится’ [44. № 52], ‘Мужчина (неизменно стремится) к тому, что он задумал; зандановое дерево (неизменно) качается’ [44. № 53], где «зандановое дерево» (в калмыцком языке *зандн* ‘сандал’³), воплощает собой образ мирового древа, которое у монголоязычных народов в одном из своих вариантов — это «Сандаловое дерево, растущее далеко на западе на огромной пустынной равнине» [48. С. 92]; ‘Между двумя хурулами жадный манчжик бывает голоден’ [44. № 112], где «хурул» (религ. уст. *хурл*) — это ‘молебен, ламское богослужение’⁴, а «манчжик» (религ. уст. *манжэ*) — ‘ученик в калмыцком монастыре’⁵; ‘Чем быть нойоном, не знающим дела, лучше быть рабом у знающего’ [44. № 107], где «нойон» — это представитель сословия знатных людей, глава аристократического рода, а после XVII века — региональный правитель у монголоязычных народов, у калмыков *нойн* (ист.) — ‘1) феодальный князь, господин; 2) чиновник’⁶ и т.п.

Сентенциональные пословицы занимают центральное место среди не противоречащих действительности единиц пословичного фонда, которые логически либо онтологически противопоставлены противоречащим действительности пословицам.

Парадоксальные пословицы

В пословицах с парадоксальной семантикой выражаются такие противоречащие действительности типичные ситуации (как продукт когнитивной деятельности), которые характеризуются возможностью своего

³ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 240.

⁴ Там же. С. 611.

⁵ Там же. С. 341.

⁶ Там же. С. 380.

рационального объяснения без привлечения дополнительной информации об источнике их порождения, в рамках собственно логического истолкования (поэтому сама возможность возникновения парадоксальных типичных ситуаций как мыслительной интерпретации реального мира всегда логически детерминирована). Отсутствие возможности рационального объяснения противоречащей действительности пословицы приводит к утрате парадоксального содержания (выражения типичных ситуаций, не существующих в реальности, но необходимых как для ее познания и верификации в рамках традиционного массового сознания, так и для ее освоения и преобразования в процессе общественной практики и последующего отображения в этнической картине мира).

В этом смысле все пословицы, которые противоречат объективной реальности, дифференцируются по характеру их противоречия действительности на парадоксальные и непарадоксальные. Формальным признаком их отличия друг от друга является то, что парадоксальные пословицы интерпретируются с логической точки зрения как ложные, а это значит в обязательном порядке соотносятся в сознании носителей языка с противоположным по смыслу высказыванием — истинным по отношению к реальной действительности, напр.: ‘От человеческого языка трескается даже булыжник’ [44. № 162] — ср. ‘От воздействия человеческого языка булыжник не сможет треснуть ни при каких обстоятельствах’ (!); ‘Голосистая собака ничего не видит’ [44. № 189] — ср. ‘Голосистая (громко и часто лающая) собака не может ничего не видеть, если только она не лишилась зрения’ (!); ‘У не имеющего желаний нет глаз’ [44. № 190] — ср. ‘У всех людей есть глаза, в том числе у тех, кто не имеет желаний’ (!) и под.

В парадоксальных пословицах противоречие их содержания действительности реализуется при помощи одного из следующих трех возможных способов:

1. эпистемологический парадокс, когда противоречие действительности обусловлено ее намеренным искажением, моделированием в пословице на основе реальных типичных ситуаций таких ситуаций, существование которых невозможно, напр.: ‘Собака бежит под телегою и говорит: «я тащу»’ [44. № 187] (собака может бежать под телегой, но не может говорить); ‘В стране слепых закрывай глаза; в стране хромых поднимай ногу’ [44. № 216] (есть люди слепые и хромые, но нет таких стран, где бы жили только слепые или только хромые); ‘При отсутствии собаки лает (и) свинья’ [44. № 237] (собака может и не быть, но свинья не может лаять); ‘Ворона, подражая гусю, вошла в воду и погибла’ [44. № 217] (вороны могут передразнивать гуся, но никогда не пойдут в воду на глубину) и под.;
2. семантический парадокс, когда противоречие действительности возникает благодаря неадекватной интерпретации значения или образного содержания одного из лексических компонентов пословицы, в силу чего обозначаемая

типичная ситуация воспринимается как ирреальная, напр.: ‘Для упавшей в колодец хорошей лошади лягушка становится жеребцом’ [44. № 260], где реализуется, на первый взгляд, эпистемологический парадокс, поскольку в реальном мире лошади в колодцы не падают, а лягушки не превращаются в жеребцов, однако при внимательном рассмотрении оказывается, что парадоксальное содержание пословицы основывается только на двусмысленности лексического компонента «хороший», который помимо общего значения ‘положительный по своим качествам’ употребляется у калмыков еще и для обозначения удалства, т.е. ‘удалой’ (как и в приведенной выше пословице ‘Если дурному окажешь услугу, он не знает этого; если хорошему сделаешь зло, он не забудет этого’ [44. № 6]), с учетом чего содержание пословицы «о лошади и лягушке» можно описывать уже как не парадоксальное, ср. ‘Удалая лошадь, даже провалившись в колодец, ищет себе жеребца, воспринимая в качестве такового даже лягушку’ (!); ‘Вор не считается человеком’ [44. № 257], где парадоксальная семантика обусловлена пониманием лексического компонента «человек» только в его значении как ‘живое существо’ (в то же время парадокс нейтрализуется при актуализации еще одного значения слова «человек» — ‘личность как воплощение высоких моральных качеств’) и т.п.;

3. формально-логический парадокс, когда противоречие действительности возникает в результате элиминации (или содержательной деактуализации) той части пословицы (или ее прототипа), которая обеспечивает истинность пословичного смысла (аналогично тому, когда логически истинное высказывание воспринимается как ложное в случае опущения тезисов, из которых это высказывание было выведено в соответствии с правилами формальной логики), напр.: ‘Бегающая собака гложет кости’ [44. № 174], где одна часть пословицы элиминирована, что способствовало восприятию содержания оставшейся части как парадоксального, при этом параллельно сохранился в употреблении один из вариантов полной версии пословицы, который дает полное представление о логически правильном рассуждении, ср. ‘Если (собака) дома, она голодает; если ходит, гложет кости’ [44. № 175]; ‘Лучше цепь, чем собака’ [44. № 297], где при актуализации всех необходимых для логически правильного рассуждения тезисов, парадоксальное содержание пословичного умозаключения нейтрализуется (ср. ‘Собака станет старой и умрет, а цепь, на которую она была посажена, останется для новой собаки, поэтому лучше цепь, чем собака’) и под.

Парадоксальные пословицы не отличаются национально-культурным своеобразием лексического состава, однако своими прототипами отражают значимые фрагменты традиционного мировосприятия и повседневного уклада жизни народа, которые в аномальной логической форме репрезентированы в пословичной картине мира.

Абсурдные пословицы

В пословицах с абсурдной семантикой выражаются такие противоречащие действительности типичные ситуации (как продукт когнитивной деятельности), которые не поддаются объяснению с точки зрения ее рационального истолкования (в этом смысле порождение абсурдных ситуаций как способ мыслительной интерпретации окружающего мира лежит за пределами логического мышления, манифестирует онтологический аспект провербиальной категоризации действительности). Наличие рационального объяснения противоречащих действительности пословиц приводит к утрате их абсурдного содержания (выражения типичных ситуаций, отрицающих своим содержанием реальность, однако необходимых как для ее непротиворечивого осмысления, так и для ее адекватного восприятия в рамках синкретического мышления, свойственного, как известно, ранним формам мировоззрения, широко представленного в фольклоре и сохранившегося по сей день в тех отдельных фрагментах этнической картины мира, которые детерминированы традиционным массовым сознанием).

В этом смысле все пословицы, которые противоречат объективной реальности дифференцируются по характеру их противоречия действительности на абсурдные и не абсурдные (парадоксальные). Формальным признаком их отличия друг от друга является то, что абсурдные пословицы не могут быть интерпретированы с логической точки зрения ни как ложные, ни как истинные, поскольку не образуют в формально-логическом плане коррелятивную пару с противоположным по смыслу высказыванием — истинным (или ложным) по отношению к реальной действительности (т.е. и абсурдную пословицу, и ее семантический коррелят — логически противопоставленное высказывание — невозможно в равной степени однозначно квалифицировать в рамках оппозиции истинно vs. ложно), напр.: ‘Для сына астролога не остается места мочиться’ [44. № 113] — ср. ‘Сын астролога всегда найдет место, где сможет помочиться’ (?!); ‘Гнилое дерево обмазывают кровью’ [44. № 267] — ср. ‘Сгнившее дерево нецелесообразно обмазывать кровью’ (?!); ‘Ненавистному человеку показывают убежавшую лошадь’ [44. № 287] — ср. ‘Человеку, которого ненавидишь, незачем показывать убежавшую лошадь’ (?!) и т. п.

Искажение реальной действительности до бессмыслицы в содержании абсурдных пословиц может быть обусловлено одним из двух возможных факторов:

1. актуализация уникальной в когнитивном плане (единичной, разовой) метафоры, детерминирующей окказиональную лексическую сочетаемость компонентов пословицы, что в совокупности и порождает бессмыслицу, напр.: ‘Мысли на столе, а подмышки в пыли’ [44. № 148], где метафора «мысли на столе» означает ‘гордиться собой’, а метафора «подмышки в пыли» — ‘не иметь оснований для того, чтобы гордиться собой’, т.е. в пословице «разумеется человек, который гордится, не имея оснований

- для этого» [44. С. 88]; ‘При слухе о свадьбе катятся сухие (пустые) головы’ [44. № 188], где метафора «сухие головы» — ‘легкомысленные люди’, «которые руководствуются неосновательными слухами» [44. С. 94] и т.п.;
2. мотивация пословичного прототипа (внутренней формы) содержанием ситуативного (или вербального) контекста возникновения и последующего употребления пословицы, без знания которого невозможно адекватное понимание ее смысла, неотделимого от данного ситуативного контекста, напр.: ‘Не родился, а уж пасет отцовский табун’ [44. № 38] и ‘Родился раньше отца и пас дедовский табун’ [44. № 39], где смысл пословиц обусловлен их текстовым первоисточником, поскольку обе они «заимствованы из одной народной сказки и употребляются в виде насмешки над лгуном» [44. С. 72]; ‘Чем пестрота мерина, лучше пестрота чаши’ [44. № 298], где пословица обретает смысл, становится понятной в контексте ситуации гостеприимства и означает, что «для гостя приятнее покушать, чем рассматривать имущество хозяина» [44. С. 108] и под.

Как можно видеть, многие абсурдные пословицы национально-культурно маркированы отдельными метафорически переосмысленными лексическими компонентами и/или содержанием своих прототипов, в которых отражаются и традиционный уклад жизни с его хозяйственной и обрядовой практикой, и этническая картина мира со всей совокупностью детерминирующих ее природных, социальных и мировоззренческих факторов и условий.

Заключение

Анализ семантики паремиологических единиц (пословиц) с точки зрения ее отношения к окружающему миру как объекту познания, оценки, верификации и вербализации позволил выявить и описать их семантические типы в соответствии с категоризацией действительности в эмпирическом, аксиологическом, онтологическом и логическом аспектах.

Категоризация отношения к действительности в пословицах имеет универсальный характер (поскольку в проанализированных паремиологических единицах калмыцкого языка представлены все четыре ее аспекта), однако отличается избирательностью в плане своего распределения по семантическим типам и понятийно-образной реализации.

Установлено, что пословицы дифференцируются по отношению их содержания действительности на две семантически противопоставленные друг другу группы (противоречащие и не противоречащие объективной реальности). Пословицы, содержание которых не противоречит действительности, подразделяются в эмпирическом аспекте на номологические и сентенциальные, а в аксиологическом аспекте на трюистические и грегериические. Пословицы, содержание которых противоречит действительности,

разграничиваются на основании противопоставления логического и онтологического аспектов противоречия реальному миру, соответственно, на парадоксальные и абсурдные.

В пословицах с номологической семантикой отражаются знания о законах, которые неизменно выполняются в реальном мире безотносительно воли и желания человека. В пословицах с сентенциальной семантикой отражаются наиболее важные, ценные и необходимые знания о человеке, социуме и окружающей их среде, входящие в систему мировоззренческих, ценностных и воспитательно-педагогических доминант этнической картины мира. В пословицах с трюистической семантикой отражаются самоочевидные и неизменные знания о действительности, которыми безусловно владеет каждый индивид в рамках данной этнической и/или социальной группы. В пословицах с грегерической семантикой отражаются знания о различных сторонах и аспектах повседневности, приватной жизни человека, малозначимых проявлений бытия в природе и социуме. В пословицах с парадоксальной семантикой отражаются противоречащие действительности знания, которые характеризуются возможностью своего рационального объяснения и необходимы для познания и верификации окружающего мира (в рамках традиционного массового сознания), так и для его освоения и преобразования (в процессе общественной практики). В пословицах с абсурдной семантикой отражаются такие противоречащие действительности знания, которые невозможно объяснить с точки зрения рационального истолкования окружающего мира, однако которые необходимы для его адекватного восприятия и непротиворечивого осмысления в рамках синкретического мышления.

Пословицы разных семантических типов имеют специфический набор прототипов, понятий и образов и являются в разной мере этнокультурно маркированными. В большей степени (на материале проанализированного пословичного фонда калмыцкого языка) национально-культурным своеобразием отличаются сентенциальные, грегерические и абсурдные пословицы, в меньшей — номологические, трюистические и парадоксальные. То или иное распределение семантических типов паремиологических единиц (пословиц) репрезентирует этнолингвокультурное своеобразие категоризации и концептуализации действительности в пословичной картине мира каждого народа.

Библиографический список

1. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4(54). С. 303–317. <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>
2. Kotova M.Yu., Raina O.V. Towards a linguistic vision of the world at the paremiological level of language // Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. 2020. № 17(3). P. 487–504. <https://www.doi.org/10.21638/spbu09.2020.309>

3. Бредис М.А., Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Кужугет Ш.Ю. Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 143–160. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
4. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Типология пословиц прибалтийско-финских народов России обогатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 607–615. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
5. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 220–233. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
6. Бредис М.А., Ломакина О.В., Борисова А.С., Лазарева О.В. Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 276–293. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>
7. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5–29. <https://www.doi.org/10.17223/22274200/26/1>
8. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17–36. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
9. Зиновьева Е.И., Алёшин А.С. Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 131–145. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
10. Иванов Е.Е., Марфина Ж.В., Шкуран О.В. Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 47–68. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>
11. Ломакина О.В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>
12. Петрушевская Ю.А. Белорусские параллели вепских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 3. С. 497–505. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>
13. Петрушевская Ю.А. Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. 2022. № 3. С. 241–263. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>
14. Alyoshin A., Ivanov E. Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling // *Scandinavian Philology*. 2023. Vol. 21. № 1. P. 5–23. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>
15. Зиновьева Е.И., Чжао С. Пословицы концептуального поля ПРЯМОТА — ЛУКАВСТВО с семантикой сравнения в русском и китайском языках: интегративный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 328–346. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-328-346>
16. Иванов Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 243–258. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>
17. Иванов Е.Е., Монгуш Ш.В. Мир диких животных и их образов в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 65–83. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>
18. Николаева Е.К., Селиверстова Е.И., Ломакина О.В., Сувандии Н.Д. Образ горы в тувинской паремике как проявление этномаркированной ментальности (на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких пословиц) // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 51–64. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

19. *Петрушевская Ю.А.* Провербиальные универсалии в тувинском пословицном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 259–279. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>
20. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–43.
21. *Ivanova E.V.* On the Basic Lines of Proverbial Studies in Russian Paremiology // Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. 2021. № 18(4). P. 875–892. <https://www.doi.org/10.21638/spbu09.2021.415>
22. *Маслова В.А.* Новые русские пословицы: когнитивный и лингвокультурологический аспекты // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 81–84.
23. *Серегина М.А.* Паремия как форма представления знаний народа в языке: когнитивно-структурный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1. С. 19–25. <https://www.doi.org/10.20916/1812-3228-2016-1-19-25>
24. *Иванова Е.В.* Пословица как когнитивный знак особого типа // Когнитивные исследования языка. 2017. № 31. С. 92–98.
25. *Магировская О.В.* Конструирование картины мира в пословицах и поговорках: основные модели и механизмы интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2022. № 1(48). С. 426–454.
26. *Селиверстова Е.И.* Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 115–130. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>
27. *Алефиренко Н.Ф., Добровольский Д.О., Мокиенко В.М., Адамия З.К., Дамман Е.А., Зимин В.И., Иванова Е.В., Ковшиова М.Л., Натхо О.И., Ратиани Л.М., Семенов Н.Н., Федуленкова Т.Н., Хомутова Т.Н., Ширяева Т.А., W. Mieder.* Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты. Владимир: ВГУ, 2017.
28. *Ничипорчик Е.В.* Отражение ценностных ориентаций в паремиях. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015.
29. *Нелюбова Н.Ю.* Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 323–335. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335>
30. *Нелюбова Н.Ю.* Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 146–163. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>
31. *Нелюбова Н.Ю.* Репрезентация ценностей в карельском паремиологическом фонде (на фоне паремий неродственных языков) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 3. С. 476–485. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-476-485>
32. *Иванова Е.В.* Мир в английских и русских пословицах. СПб.: СПбГУ, 2006.
33. *Семенов Н.Н.* Русские паремии: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол: РОСА, 2011.
34. *Абакумова О.Б.* Пословицы в языке, сознании и коммуникации: когнитивно-дискурсивное моделирование смысла пословицы в дискурсе и референциально-оценочная типология русских, английских, испанских, французских и чешских пословиц о правде и лжи. СПб.: Алеф-Пресс, 2013.
35. *Иванов Е.Е.* Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 898–924. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>
36. *Иванов Е.Е.* О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 157–170. <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

37. Иванов Е.Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 659–706. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>
38. Иванов Е.Е. Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 167–185. <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>
39. Петрушевская Ю.А. Методология определения национального, интернационального и универсального в фразеологии и паремиологии белорусского языка // WEST — EAST. Scientific Journal of ISPOP. 2021. Vol. 5. № 1. P. 61–72. <https://www.doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72>
40. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А. Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 993–1032. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>
41. Иваноў Я.Я. Семантыка афарыстычных выказванняў (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2004. № 1. С. 63–68.
42. Иванов Е.Е. Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 317–337. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>
43. Иванов Е.Е. Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1373–1389. <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1389>
44. Котвич В.Л. Калмыцкие загадки и пословицы. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1905.
45. Есенова Т.С., Есенова Г.Б. Образ мужчины в русском и калмыцком языковом сознании (на материале пословиц) // Языки. Культуры. Перевод. 2016. № 1. С. 113–119.
46. Утунашэн Ц., Кичикова Н.А. Зоонимы как отражение ментальности в калмыцком и русском языках (на материале калмыцких и русских пословиц и поговорок // Русская речь в инонациональном окружении. 2016. № 9. С. 33–39.
47. Чеджиева Ж.Д., Очирова В.С., Мучкаева Г.М. Концепты «ум» и «глупость» в калмыцком и английском языках (на материале пословиц и поговорок) // Вестник Иссyk-Кульского университета. 2020. № 48. С. 274–277.
48. Хейчиева А.Б. Сакральные места (объекты) в культуре калмыков: Одинокий тополь // Монголоведение. 2017. Т. 9. № 2. С. 91–101. <https://www.doi.org/10.22162/2500-1523-2017-11-91-101>

References

1. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018). Alue constants of the Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*, 4(54), 303–317. <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18> (In Russ.).
2. Kotova, M.Yu. & Raina, O.V. (2020). Towards a linguistic vision of the world at the paremiological level of language. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 17(3), 487–504. <https://www.doi.org/10.21638/spbu09.2020.309>
3. Bredis, M.A., Ivanov, E.E., Lomakina, O.V., Nelyubova, N.Yu. & Kuzhuget, Sh.Yu. (2021). A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies. *The New Research of Tuva*, 4, 143–160. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11> (In Russ.).
4. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2021). Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (On the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*, 11(4), 607–615. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615> (In Russ.).

5. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Nelyubova, N.Yu. (2021). Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *New Research of Tuva*, 3, 220–233. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17> (In Russ.).
6. Bredis, M.A., Lomakina, O.V., Borisova, A.S. & Lazareva, O.V. (2022). Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia). *The New Research of Tuva*, 4, 276–293. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.20> (In Russ.).
7. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022). Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, 26, 5–29. <https://www.doi.org/10.17223/22274200/26/1> (In Russ.).
8. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022). Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (As contrasted to Russian and English languages). *The New Research of Tuva*, 1, 17–36. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2> (In Russ.).
9. Zinovieva, E.I. & Alyoshin, A.S. (2022). The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages. *New Research of Tuva*, 1, 131–145. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9> (In Russ.).
10. Ivanov, E.E., Marfina, Zh.V. & Shkuran, O.V. (2022). Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning. *New Research of Tuva*, 1, 47–68. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4> (In Russ.).
11. Lomakina, O.V. (2022). Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential. *The New Research of Tuva*, 1, 6–16. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1> (In Russ.).
12. Petrushevskaya, Yu.A. (2022). Belarusian parallels of Vepsian proverbs: in search of typologically common and ethno-specific. *Bulletin of Ugric Studies*, 12(3), 497–505. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505> (In Russ.).
13. Petrushevskaya, J.A. (2022). Tuvan and Belarusian proverbial parallels (Typological community amid ethnocultural specificity). *The New Research of Tuva*, 3, 241–263. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.16> (In Russ.).
14. Alyoshin, A. & Ivanov, E. (2023). Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling. *Scandinavian Philology*, 21(1), 5–23. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>
15. Zinovieva, E.I. & Zhao, S. (2023). Comparative Semantics in Russian and Chinese Languages: Integrative Approach. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 328–346. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-328-346> (In Russ.).
16. Ivanov, E.E. (2023). Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary. *The New Research of Tuva*, 1, 243–258. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.1.14> (In Russ.).
17. Ivanov, E.E. & Mongush, Sh.V. (2023). The world of wild animals and their images in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, 3, 65–83. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.3.5> (In Russ.).
18. Nikolaeva, E.K., Seliverstova, E.I., Lomakina, O.V. & Suvandii, N.D. (2023). The image of a mountain in Tuvan paroemias as a manifestation of ethno-marked mentality (as compared to Altai, Khakas, Buryat and Kalmyk proverbs). *New Research of Tuva*, 3, 51–64. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.3.4> (In Russ.).
19. Petrushevskaya, Yu.A. (2023). Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages). *The New Research of Tuva*, 1, 259–279. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2023.1.15> (In Russ.).
20. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Proverbs in contemporary linguistics: definition, status, and functioning. *Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Cross-Cultural Communication*, 3, 34–43. (In Russ.).
21. Ivanova, E.V. (2021). On the Basic Lines of Proverbial Studies in Russian Paremiology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 18(4), 875–892. <https://www.doi.org/10.21638/spbu09.2021.415>

22. Maslova, V.A. (2014). New Russian proverbs: cognitive, linguistic and cultural aspects. *Vestnik of NovSU*, 77, 81–84 (In Russ.).
23. Seregina, M.A. (2016). Paremiias (proverbs and proverbial phrases) as a form of representation of people' knowledge in language: cognitive-structural aspect. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 19–25. <https://www.doi.org/10.20916/1812-3228-2016-1-19-25> (In Russ.).
24. Ivanova, E.V. (2017). Proverb as a cognitive sign of a special type. *Cognitive studies of language*, 31, 92–98. (In Russ.).
25. Magirovskaya, O.V. (2022). Construing a worldview in proverbs and sayings: basic interpretation models and mechanisms. *Cognitive studies of language*, 1(48), 426–454. (In Russ.).
26. Seliverstova, E.I. (2022). Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *New Research of Tuva*, 1, 115–130. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.8> (In Russ.).
27. Alefirenko, N.F., Dobrovolsky, D.O., Mokienko, V.M., Adamia, Z.K., Damman, E.A., Zimin, V.I., Ivanova, E.V., Kovshova, M.L., Natkho, O.I., Ratiani, L.M., Semenenko, N.N., Fedulenkova, T.N., Khomutova, T.N., Shiryaeva, T.A. & Mieder, W. (2017). *Proverbs in the phraseological field: cognitive, discursive, comparative aspects*. Vladimir: VSU Publ. (In Russ.).
28. Nichiporchik, E.V. (2015). *Reflection of value orientations in paroemias*. Gomel: Francysk Skaryna Gomel State University. (In Russ.).
29. Nelyubova, N.Yu. (2019). Representation of ethno-cultural values in the proverbs of French-speaking countries. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 323–335. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335> (In Russ.).
30. Nelyubova, N.Yu. (2022). Axiological dominants of paremiias as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *The New Research of Tuva*, 1, 146–163. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10> (In Russ.).
31. Nelyubova, N.Yu. (2022). Representation of values in the Karelian paremiological fund (against the background of proverbs of unrelated languages). *Bulletin of Ugric Studies*, 12(3), 476–485. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-476-485> (In Russ.).
32. Ivanova, E.V. (2006). *The World in English and Russian Proverbs*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russ.).
33. Semenenko, N.N. (2011). *Russian Paremiias: Functions, Semantics, Pragmatics*. Stary Oskol: ROSA. (In Russ.).
34. Abakumova, O.B. (2013). *Proverbs in Language, Consciousness, and Communication: Cognitive Modelling of Ideas behind a Proverb in Discourse, and Referential/Evaluative Typology of Russian, English, Spanish, French, and Czech Proverbs about Truth and Lies*. St. Petersburg: Aleph-Press. (In Russ.).
35. Ivanov, E.E. (2022). Aphorism in the Circle of Small Text Forms in Oral, Written and Electronic Discourses. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 898–924. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924> (In Russ.).
36. Ivanov, E.E. (2019). Aphoristic units recurrence in modern Russian language. *Russian Language Studies*, 17(2), 157–170. <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170> (In Russ.).
37. Ivanov, E.E. (2020). Aphorism as an object of linguistics: The main properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(4), 659–706. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706> (In Russ.).
38. Ivanov, E.E. (2022). Functions of aphoristic units in the Russian language. *Russian Language Studies*, 20(2), 167–185. <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185> (In Russ.).
39. Petrushevskaya, J.A. (2021). Methodology for determining national, international and universal in Belarusian phraseology and paremiology. *WEST — EAST. Scientific Journal of ISPOP*, 5(1), 61–72. <https://www.doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-61-72> (In Russ.).

40. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Petrushevskaya, J.A. (2021). The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 993–1032. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032> (In Russ.).
41. Ivanov, E.E. (2004). Semantics of aphoristic phrases: A case study of Slavic and Germanic language materials. *Journal of the Belarusian State University*, 1, 63–68. (In Bel.).
42. Ivanov, E.E. (2022). Semantic typology of Tuvan proverbs (Empirical and axiological aspects). *The New Research of Tuva*, 4, 317–337. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.22> (In Russ.).
43. Ivanov, E.E. (2022). Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics. *Oriental Studies*, 15(6), 1373–1389. <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1389> (In Russ.).
44. Kotvich, V.L. (1905). *Kalmyk riddles and proverbs*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. (In Kalm. and Russ.).
45. Esenova, T.S. & Esenova, G.B. (2016). The image of a man in the Russian and Kalmyk linguistic consciousness (on the material of proverbs). *Languages. Culture. Translation*, 1, 113–119. (In Russ.).
46. Utunashen, Ts. & Kichikova, N.A. (2016). Zoonyms as a reflection of mentality in the Kalmyk and Russian languages (on the material of Kalmyk and Russian proverbs and sayings). *Russian Speech in a Foreign Environment*, 9, 33–39. (In Russ.).
47. Chedzhieva, Zh.D., Ochirova, V.S. & Muchkaeva, G.M. (2020). Concepts of “mind” and “stupidity” in Kalmyk and English (In proverbs and sayings). *Vestnik IGU*, 48, 274–277. (In Russ.).
48. Heichieva, A.B. (2017). Sacred Places (Objects) in Kalmyk Culture: The Single Poplar. *Mongolian Studies*, 9(2), 91–101. <https://www.doi.org/10.22162/2500-1523-2017-11-91-101> (In Russ.).

Сведения об авторе:

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков, Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова (212022, Республика Беларусь, г. Могилев, ул. Космонавтов, 1); e-mail: ivanov-rudn@mail.ru; ivanov_ee@msu.by
ORCID: 0000-0002-6451-8111; Scopus Author ID: 57222386652

Information about the author:

Eugene E. Ivanov, D.Sc. in Philology, Professor, a Leading Research Fellow of the Department of Foreign Languages, the Philological Faculty, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); the Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Languages, Mogilev State University n.a. A. Kuleshov (1, Kosmonavtov str., Mogilev, Republic of Belarus, 212022); e-mail: ivanov-rudn@mail.ru; ivanov_ee@msu.by
ORCID: 0000-0002-6451-8111; Scopus Author ID: 57222386652.